

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

М.Д. Розин, В.Н. Рябцев, В.П. Свечкарев, А.В. Иванов*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ:
БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК*****[Mikhail D. Rozin, Vladimir N. Ryabtsev,******Valery P. Svechkarev, Anton V. Ivanov*****Cognitive models of geopolitical confrontation:
using the example of the Near and Middle East]**

For the purpose of analyzing the problematic aspects of geopolitical confrontation, the article shows the appropriateness of using the cognitive modeling apparatus. It is noted that the most common cognitive model used by an analyst as a generalized prototype or a “mental model” of geopolitical confrontation is a unary model in the form of a simple loop with positive feedback. It is shown that the model of geopolitical confrontation is a more complex image. Proneness to conflict forms a “knot” of integration of the causes of proneness to conflict and the decomposition of its consequences. The model ceases to be unary (single-loop) and is converted to a binary (double-loop) model. The level of self-determination of the geopolitical system in the model is determined by the increased degree of semantic and causal integration. The model retains the inner loop of geopolitical confrontation and is supplemented by the loop of involving extra-regional (external) “players”. In fact, external “players” in it are initiators of an active cyclically generated internal confrontation. Based on the study of the geopolitical phenomenon of “overlapping”, a ternary model with a cumulative loop has been developed for the regions of geopolitical confrontation in the Near and Middle East. The model demonstrates how “overlapping” subordinates the “problems of internal confrontation” to the interests and actions of external players and, further, transforms into a self-sufficient cumulative loop capable of unleashing a flywheel of acute conflicts with threatening force. The proposed model not only describes the interrelationships of various kinds of actors that form the geopolitical space, but also gives the analyst the opportunity to explore specific options for development of the situation.

Key words: analysis, cognitive models, geopolitics, confrontation, middle East, overlap, cumulative contour.

Введение

Едва ли в современном мире есть какой-либо другой регион, о котором постоянно и так много, в основном в алармистском, иногда даже апокалипсическом ключе говорят эксперты и политики, СМИ и государственные деятели как Ближний и Средний Восток (БСВ). И тому есть серьезные основания. Уж слишком много вызовов, угроз и прямых опасностей исходит сегодня из этого сегмента мирового геопространства, слишком много он значит для международной безопасности и стабильности Мировой системы. И, увы, связывает Ближний Восток со Средним Востоком в единый пространственный организм БСВ всё более явственно проявляющиеся проблемы геополитической конфронтации. Они ориентируют нас на понимание того, что регион, о котором идет речь, фактически уже стал и, чем дальше, тем все больше становится эпицентром мировой политики, превращается в такой сегмент мирового пространства, где проявляет себя повышенная геополитическая динамика, где протекают процессы, по своему масштабу и последствиям являющиеся глобальными. При этом география лишь открывает путь к осмысленному анализу [9]. Необходим своего рода «синхронический» анализ отношений между всеми политическими «организмами», фигурирующими на данной «площадке», способами организации элементов в систему, ее каркаса или «архитектуры» [12]. При таком подходе к исследованию все большее значение приобретают методы и инструментарий моделирования, позволяющие межгосударственные и иные, связанные с ними, отношения сводить к отношениям внемасштабных «точек» в функциональном пространстве, без учета реального географического положения акторов, ими обозначаемых. Геопространственные данные агрегируются до точечных. Реальные географические объекты условно помещаются в негеографическое функциональное пространство. И потому всю совокупность анализируемых акторов можно представить... в виде графов и картоидов, где акторы изображаются вершинами, а отношения между ними – в виде дуг или ребер [5], например, когнитивных карт или моделей.

В работе предлагаются к рассмотрению результаты исследования проблемных аспектов геополитической конфронтации БСВ с использованием когнитивных моделей.

Методы исследования

Главное, из чего мы исходим – это функциональная природа (нефизический характер) такого феномена, как геополитический регион. Мы полагаем, что взаимоотношения разного рода акторов, и только они, формируют геополитическое пространство. Причем, пространство не просто заполнено разного рода взаимодействиями (интеракциями) государств и других акторов, но и как бы соткано ими. Геополитическое пространство региона в этом смысле предстает как «интегральная сумма взаимных воздействий» всех названных нами субъектов [6, с. 121], некая качественно определенная среда. Для геополитологии, таким образом, важна не сама по себе территория или акватория и то, чем они конкретно наполнены, а совокупность специфических взаимоотношений и взаимодействий разного рода игроков, выстраивающихся по ее «матрице», как бы накладывающихся на эту особую часть геосреды. В зависимости же от того, что является предметом интереса местных и особенно внерегиональных акторов на этих территориях/акваториях, как себя позиционируют эти державы, какие они совершают при этом действия в отношении друг друга и т.д., можно говорить о некой функции или предназначении конкретного геополитического региона как сегмента мирового пространства. С.Р. Гриневецкий, С.С. Жильцов и И.С. Зонн особо отмечают: «...в русле подобных рассуждений происхождение региональных общностей нельзя связывать с естественными особенностями пространства, а само понятие «регион» следует определять не через территорию, а через политический процесс» [3].

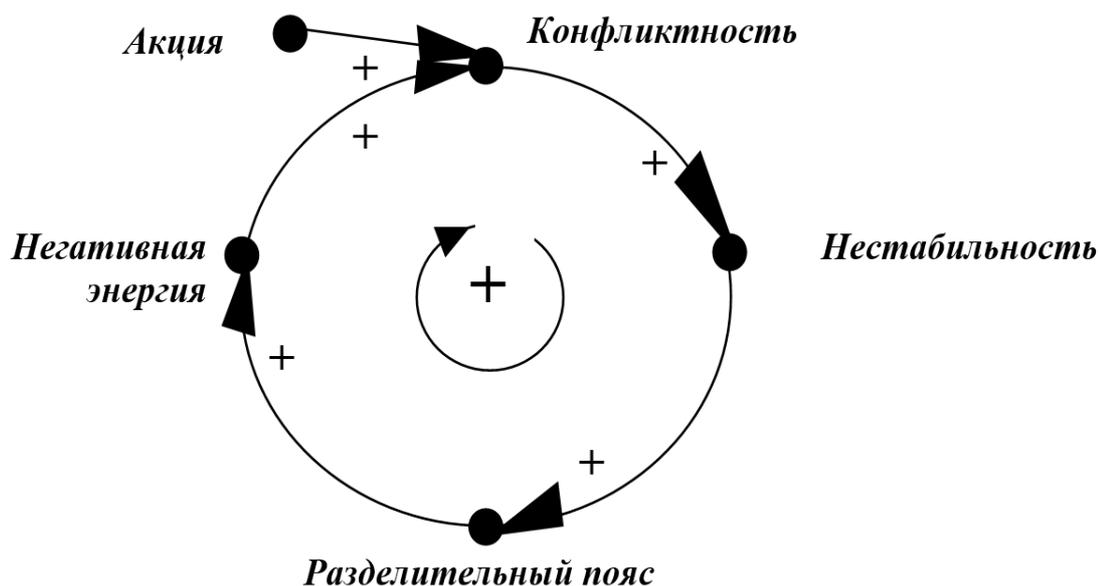
В рамках системного подхода такой «регион» геополитической конфронтации может быть представлен наличием каузальной (функциональной) и логико-смысловой связи элементов или агентов действий и контрдействий [4]. Интерпретируя логико-смысловое как структурное, а каузальное – как динамическое, получаем возможность структурно-динамического системного описания геополитической конфронтации с помощью языка когнитивных графов, т.е. показа графического выражения каузальных отношений между понятиями (концептами), характеризующими тот или иной геополитический феномен [2]. Появляется принципиальная возможность исследования конфигурации того или иного сегмента мирового геополитического пространства и его (пространства) смысловой наполненности. Основным же

инструментом становятся когнитивные карты (модели), являющиеся ничем иным, как способом представления и связывания мыслей, «образов» окружающей обстановки и своего места в ней, который имеется в голове «Политика» [8]. Безусловно, самый распространенный мыслительный образ, используемый аналитиком в качестве обобщенного прототипа или «мыслительной модели» геополитической конфронтации, представляет собой простой контур с положительной обратной связью. В этом случае контур составляют все факторы (концепты), описывающие проблему. Факторы, входящие в контур, образуют простой путь, т.е. такую направленную последовательность вершин, в которой все вершины различны, кроме первой и последней. Эта вершина и является целевым фактором. Положительная обратная связь вызывает изменение состояния системы (дестабилизацию, усиление тенденции, «раскрутку маховика» и т.п.). Таков исходный мысленный образ проблемной ситуации [7]. Изложенные методические положения и являются основаниями дальнейших исследований.

Дискуссия

По точной характеристике С.Б. Коэна, данный регион имел статус «разъединительного пояса» (*shatterbelt*). Согласно воззрениям этого авторитетного американского исследователя, разъединительный пояс – это сравнительно большие, стратегически расположенные регионы мира, занятые некоторым числом конкурирующих государств и находящиеся между сталкивающимися интересами примыкающих к ним великих держав [10]. В качестве примера рассмотрим (рис. 1) обобщенную когнитивную модель геополитической конфронтации на основе кризисов «разделительного пояса» [11].

**Обобщенная когнитивная модель геополитической конфронтации
на основе кризисов «разделительного пояса» [11]**

Модель на основе кризисов «разделительного пояса» является структурой активного циклически генерируемого конфликта. Модель представляет собой замкнутый контур, включающий четыре базовых фактора: *Конфликтность*, *Нестабильность*, *Разделительный пояс* и *Негативная энергия*. Изменение значения любого из факторов (усиление или ослабление) будет поддержано (усилено или ослаблено) в цикле положительной обратной связи. Это и есть «структура активного циклически генерируемого конфликта». Для «запуска» конфликта необходим внешний импульс. На рис. 1 таким генератором является фактор *Акция*. Акция, например теракт, в угоду текущей международно-политической конъюнктуры порождает всплеск *негативной энергии* и кольцевое движение с эффектом непрерывного его усиления. Так инициируются конфликты, запускается механизм положительной обратной связи, и, уже получаются, как следствие, усиление нестабильности, разделение сторон на враждующие с ростом негативной энергии, в свою очередь провоцирующие конфликты.

Итак, модель с положительной обратной связью реализует крайне опасный сценарий развития конфликта, но только в случае непрерывной инициа-

лизации террористических акций, приводящих к дальнейшей враждебности и негативности. Любое нарушение или снижение таких тенденций будет автоматически снижать эффект воздействия акций. Более того, описанная модель столь же эффективно способна за счет положительной обратной связи и снизить нестабильность, и далее по циклу снижать значения всех факторов вплоть до конфликтности. Необходимо лишь определить точку приложения усилий противодействия. Описан и возможный вариант противодействия геополитической конфронтации на основе кризисов «разделительного пояса», реализующий механизм «замораживания» конфликта [11]. Очевидно, что рассмотренная модель (рис. 1) описывает лишь один из частных случаев геополитической конфронтации. За пределами ее возможностей остаются наиболее опасные кризисные ситуации, когда конфронтация определяется уже уровнем самодетерминации геополитической системы, степенью смысловой и каузальной интегрированности ее элементов [4]. Поэтому создаваемая модель должна иметь возможности формирования единого и целостного представления об исследуемой проблеме, как проблеме геополитической системы, и обеспечивать осмысление динамики развития ситуации в условиях геополитической нестабильности.

Результаты исследования

Каковы же концепты рассматриваемой геополитической системы, функционально значимые для модели конфронтации.

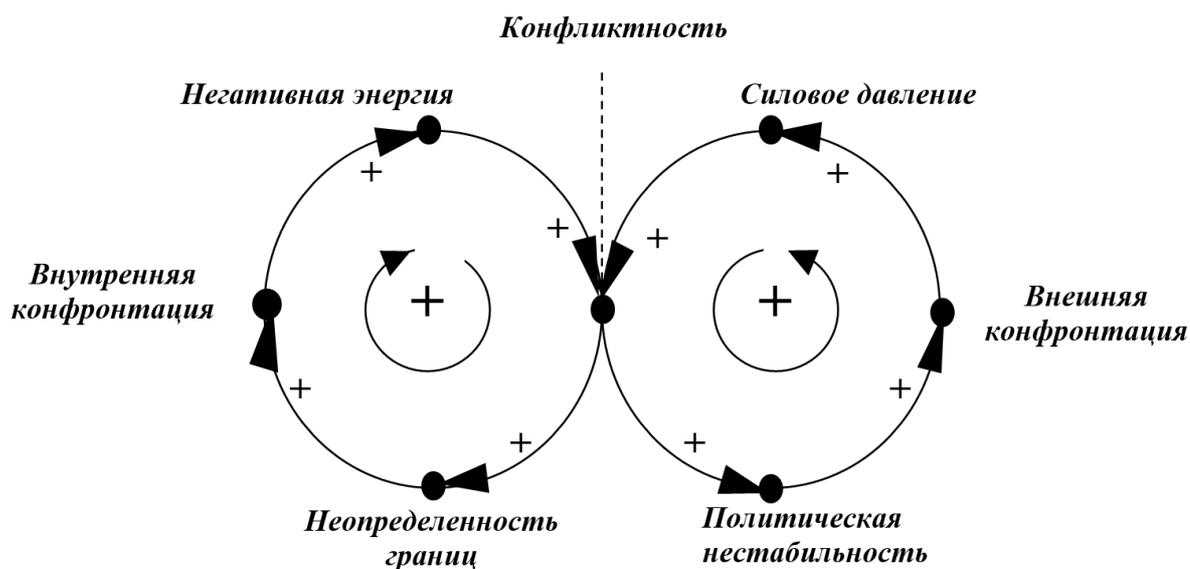
Первое. В течение же 90-х гг. XX в. он стал превращаться в такой обширный (в территориальном отношении) сегмент мирового геопро-странства, в котором не наблюдалось и не наблюдается до сих пор никакого единства (ни политического, ни даже экономического) и где царит силовой вакуум с нарастающей тенденцией хаотизации; в котором налицо все более острое соперничество «местных» акторов. Именно в этом источник снижения потенциала самодетерминации внутренних акторов перед угрозой геополитической конфронтации, отсутствия единой системы региональной безопасности, которая охватывала бы сферу «высокой политики» и базировалась бы на институционально оформленном межгосударственном сотрудничестве в сфере экономики.

Второе. БСВ входит в обширную зону, которую исследователи и эксперты нередко называют «мировой зоной распространения насилия». Достаточно перечислить только самые основные конфликтные «узлы» и кризисные зоны БСВ, чтобы понять, насколько велик «масштаб» нестабильности и степень подверженности ей различных стран данного региона. При этом во всех этих «узлах», так или иначе, задействованы внерегиональные (внешние) «игроки» (как государственные, так и негосударственные, в том числе и транснациональные акторы), которые по разным причинам считают его для себя значимой «площадкой». Присутствие последних в этих зонах – это присутствие под свой интерес, зачастую мало учитывающее интересы местных держав и мешающее налаживанию их «горизонтального» сотрудничества.

В этих условиях модель геополитической конфронтации представляет собой более сложный образ. Конфликтность образует «узел» интеграции причин конфликтности и декомпозиции её последствий. Модель сохраняет базовый контур геополитической конфронтации, например, на основе кризисов «разделительного пояса» [11], инициируемый *Внутренней конфронтацией*, и дополнена контуром задействования внерегиональных (внешних) «игроков» (рис. 2).

Рисунок 2

**Двухконтурная модель геополитической конфронтации
с «узлом» конфликтности**

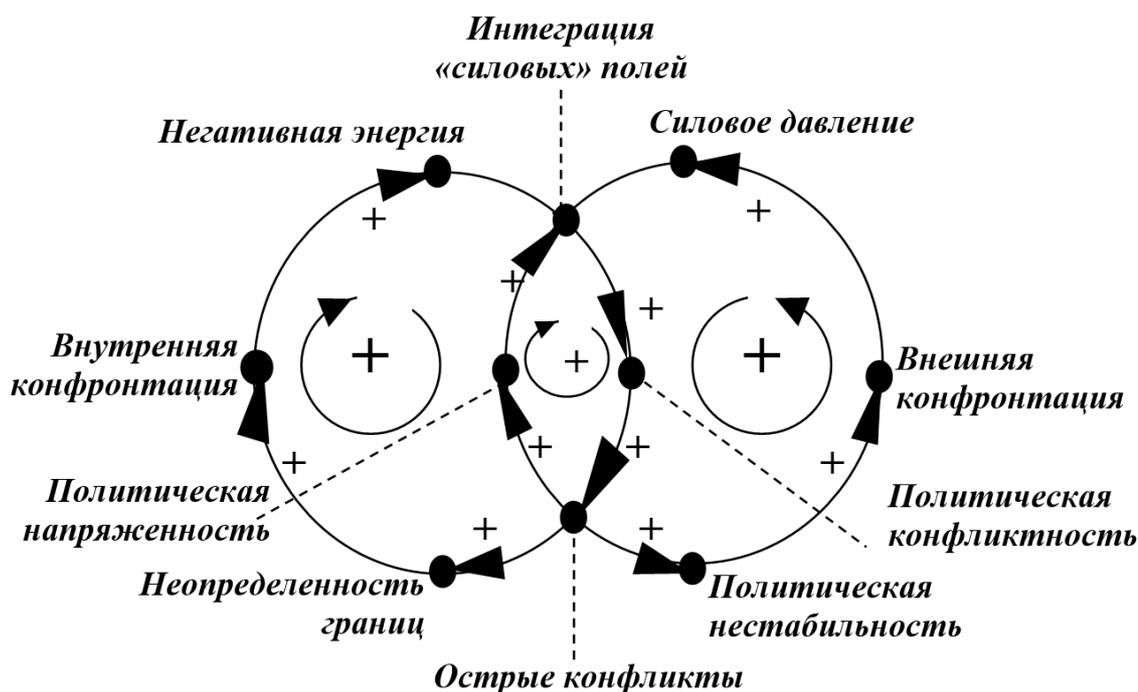
Таким образом, в модели два контура положительной обратной связи: контура внутренней и внешней конфронтации. Модель перестаёт быть унарной (одноконтурной) и преобразуется в бинарную (двухконтурную). Уровень самодетерминации геополитической системы в модели определяется возросшей степенью смысловой и каузальной интегрированности [4] факторов *Негативная энергия* и *Силовое давление*, и является причиной непрерывного нарастания *Конфликтности*. Очевидно, что контур внешней конфронтации ориентирован только на достижение интересов внешних «игроков». Усиление *Политической нестабильности* и наращивание *Силового давления* в нём способны поддерживать *Конфликтность* на уровне, необходимом и достаточном для поддержания уже *Внутренней конфронтации* независимо от интересов местных держав. По сути, внешние «игроки» являются инициаторами активной циклически генерируемой внутренней конфронтации. Для этого в контуре внешней конфронтации используются разнообразные межгосударственные взаимоотношения: от политической напряженности (латентной конфликтности) до вооруженных инцидентов или вооруженных конфликтов. Например, резкое снижение или вообще прекращение торгово-экономической деятельности, введение всякого рода санкций, эмбарго, блокад со стороны внешнего «игрока» в отношении участников внутренней конфронтации; минимизация или прекращение всякой инвестиционной деятельности; минимизация или прекращение отношений на уровне официальной правительственной политики с соответствующей «риторикой враждебности», как крайняя мера – разрыв дипломатических отношений; военные провокации, инциденты на границе, эпизодические боестолкновения. Такое развитие ситуации уже несет значительную угрозу международной безопасности и стабильности Мировой системы.

Мы уже отмечали, что развитие ситуации конфронтации при внешнем давлении возможно по различным сценариям. Например, сохраняется принципиальная возможность решения проблемы путем устранения «узла» *Конфликтности*, и, в дальнейшем, снижение *Внутренней конфронтации* за счет положительной обратной связи в контуре при отсутствии возможности внешнего *Силового давления*. Однако более вероятен в этих условиях вариант, ещё более усугубляющий ситуацию. В его основе лежит понятие «перекрытия». Имеется в виду такого рода ситуация, когда присутствие внешней

силы в регионе абсолютно подавляет динамику безопасности «местных» акторов [1]. С этим присутствием обычно связана масштабная дислокация вооруженных сил этих внешних «игроков» державы вблизи или в «перекрываемом» регионе, идущее вслед за этим дипломатическое, идеологическое, экономическое и иное проникновение. Причем, будучи геополитическим феноменом, «перекрытие» отличается от обычного вмешательства со стороны сильной внерегиональной державы в вопросы региональной безопасности. «Перекрытие» подчиняет «проблематику безопасности» более широкому комплексу соперничества крупных держав. Иначе говоря, оно вводит всю систему межгосударственных взаимодействий акторов той или иной политической сцены в более широкий – глобальный – контекст. На рис. 3 представлен вариант трансформации модели геополитической конфронтации, в основе которой лежит «перекрытие».

Рисунок 3

**Модель геополитической конфронтации
на основе кумулятивного контура**

Перекрывается сегмент контура, т.е. он становится общим для контуров внутренней и внешней конфронтации. Не «узел» как точка пересечения контуров, а сегмент контура оказывается под внешним управлением. «Перекрытие»

подчиняет «проблематику внутренней конфронтации» интересам и действиям внешних игроков. Сегмент *Интеграция «силовых» полей*, *Политическая конфликтность*, *Острые конфликты* в данной ситуации будет откликаться на внешнее *Силовое давление* усилением конфликтности, переходящей в этом случае в *Острые конфликты*. Поэтому именно «перекрытие» становится самым распространенным механизмом дестабилизации ситуации в БСВ. Контактный «узел» *Конфликтности* угрожающе усиливается до управляемого извне сегмента. В сегменте уже два «узла», первый из них *Интеграция «силовых» полей* продолжает усиливаться за счет притяжения причин конфронтации, а второй *Острые конфликты* порождает всё новые следствия конфронтации. Так образуется новый сегмент *Острые конфликты*, *Политическая напряженность*, *Интеграция «силовых» полей* третьего контура. Модель преобразуется в тернарную, ядром которой становится этот внутренний контур с положительной обратной связью – *Острые конфликты*, *Политическая напряженность*, *Интеграция «силовых» полей*, *Политическая нестабильность*. Любое усиление давления во внешнем контуре, любой выброс негативной энергии во внутреннем контуре будет подхвачен и усилен в этом искусственном образовании, более того контур породит как следствие усиление *Политической нестабильности* в контуре внешней конфронтации и *Неопределенности границ* в контуре внутренней конфронтации. Контур является кумулятивным, теперь он определяет рост уровня самодетерминации геополитической конфронтации. Внешнее «перекрытие» трансформируется в самодостаточный кумулятивный контур, способный с угрожающей силой раскрутить маховик острых конфликтов до военных провокаций, инцидентов на границе, эпизодических боестолкновений войск, совершение диверсионно-террористических актов...

Представленная тернарная модель с кумулятивным контуром всё чаще проявляется в регионах геополитической конфронтации БСВ. Помимо того, что для этих территорий (зон) всегда была характерна геополитическая нестабильность, фактом их внутрирегионального развития является активное вовлечение внешних акторов, что всегда давало и дает только один результат – вооруженные конфликты и войны, которые моментально получают международное звучание. Уровень самодетерминации системой своей собственной судьбы, как и степень ее зависимости от внешних условий, также не являются постоянными для разных геополитических систем.

В разных внешних условиях даже одна и та же система способна разрешать ситуацию конфронтации разными способами. Предлагаемая модель не только описывает взаимоотношения разного рода акторов, формирующих геополитическое пространство, но и даёт возможность аналитику исследовать конкретные варианты развития ситуации.

Заключение

1. В контексте анализа проблемных аспектов геополитической конфронтации продемонстрирована целесообразность использования аппарата когнитивного моделирования. Отмечено, что самой распространенной когнитивной моделью, используемой аналитиком в качестве обобщенного прототипа или «мыслительной модели» геополитической конфронтации, является унарная модель в виде простого контура с положительной обратной связью.
2. Показано, что модель геополитической конфронтации представляет собой более сложный образ. Конфликтность образует «узел» интеграции причин конфликтности и декомпозиции её последствий. Модель перестаёт быть унарной (одноконтурной) и преобразуется в бинарную (двухконтурную). Уровень самодетерминации геополитической системы в модели определяется возросшей степенью смысловой и каузальной интегрированности. Модель сохраняет внутренний контур геополитической конфронтации и дополнена контуром задействования внерегиональных (внешних) «игроков». По сути в ней внешние «игроки» являются инициаторами активной циклически генерируемой внутренней конфронтации.
3. На основе исследования геополитического феномена «перекрытие» для регионов геополитической конфронтации БСВ разработана тернарная модель с кумулятивным контуром. Модель демонстрирует, каким образом «перекрытие» подчиняет «проблематику внутренней конфронтации» интересам и действиям внешних игроков и, далее, трансформируется в самодостаточный кумулятивный контур, способный с угрожающей силой раскрутить маховик острых конфликтов. Предлагаемая модель не только описывает взаимоотношения разного рода акторов, формирующих геополитическое пространство, но и даёт возможность аналитику исследовать конкретные варианты развития ситуации.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр-07/2017-20)

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бьюзен Б.* Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. М.: Весь мир, 1996.
2. *Горелова Г.В., Рябцев В.Н.* Когнитивный подход к исследованию геополитических процессов в мировых регионах и когнитивное моделирование их развития (на примере Черноморско-Каспийского региона) // Инженерный вестник Дона. 2012. № 4. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1407>
3. *Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Геополитическое казино Причерноморья. М.: Восток-Запад, 2009.
4. *Дурин В.П., Семёнов В.А.* Конфликт как социальное противоречие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008.
5. *Елацков А.Б.* Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017.
6. *Моргачев С.* Пространство, время и поле в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7.
7. *Розин М.Д., Рябцев В.Н., Свечкарев В.П., Тумакова Ж.А.* Концептуальные модели противодействия геополитическим конфликтам // Научная мысль Кавказа. 2018. № 3.
8. *Axelrod R.* The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. Princeton University Press. 1976.
9. *Kaplan Robert D.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. Monsoon and Balkan Ghosts. 2012.
10. *Cohen S.B.* Geography and Politics in a Divided World. L.: Methuen, 1964.
11. *Gurba V.N., Dyuzhikov S.A., Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P.* Cognitive Approaches to the Generalized Analysis of Geopolitical Conflicts.

International Journal of Pure and Applied Mathematics. Volume 119. No. 17. 2018. url: <http://www.acadpubl.eu/hub/>

12. *Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P., Suschiy S.Ya.* The Black and Caspian Sea Region as a Field of “The Great Game” (Political and Geographical Realities of the Post-Soviet Period). *Man In India*. 2017. No. 97(26).

R E F E R E N C E S

1. *Busan B.* Disputed borders in the Caucasus / Ed. B. Coppiters. M.: The whole world, 1996.
2. *Gorelova G.V., Ryabtsev V.N.* Cognitive approach to the study of geopolitical processes in world regions and cognitive modeling of their development (on the example of the Black Sea-Caspian region) // *Engineering Journal of the Don*. 2012. No 4. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1407>
3. *Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S.* The geopolitical casino of the Black Sea region. M.: East-West, 2009.
4. *Durin V.P., Semenov V.A.* Conflict as a social contradiction. Khabarovsk, 2008.
5. *Elatskov A.B.* General geopolitics: questions of theory and methodology in geographical interpretation. M.: INFRA-M, 2017.
6. *Morgachev S.* Space, time and field in world politics // *World Economy and International Relations*. 1989. No. 7.
7. *Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P., Tumakova J.A.* Conceptual models of counteraction to geopolitical conflicts // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2018. No. 3.
8. *Axelrod R.* The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. Princeton University Press. 1976.
9. *Kaplan Robert D.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. Monsoon and Balkan Ghosts. 2012.
10. *Cohen S.B.* Geography and Politics in a Divided World. L.: Methuen, 1964.

11. *Gurba V.N., Dyuzhikov S.A., Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P.* Cognitive Approaches to the Generalized Analysis of Geopolitical Conflicts. International Journal of Pure and Applied Mathematics. Volume 119. № 17. 2018. url: acadpubl.eu/hub/
12. *Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P., Suschiy S.Ya.* The Black and Caspian Sea Region as a Field of “The Great Game” (Political and Geographical Realities of the Post-Soviet Period). Man In India. 2017. No. 97(26).

16 ноября 2019 г.
